

— Чжугэ-дафу, вы говорите серьезно? — Цзинь Шуфэнь была крайне изумлена. С древних времен семейные тайны не принято было открывать посторонним, а уж тем более искусство врачевания. Подобное предложение от Чжугэ Цзи было для Чжоу Цинъюэ величайшим благом.

Хотя нравы в Великой Ци были довольно просвещенными, а требования к женщинам — не слишком суровыми, общество все равно относилось к ним с предвзятостью.

К счастью, в Великой Ци ценили талантливых людей и почитали хороших лекарей. Если Цинъюэ овладеет медициной, то даже если ее не станет или девушка выйдет замуж, у нее в руках будет ремесло, которое позволит не зависеть от других.

— Слово мое твердо, я не шучу! — с улыбкой ответил Чжугэ Цзи.

— Столь великая милость... мы с Цинъюэ не знаем, как вас отблагодарить...

Чжугэ Цзи похлопала ее по руке, поясняя:

— О нет, вы ошибаетесь. Госпожа Цзинь спасла мне жизнь, это уже великая милость, и одна из причин, почему я хочу так поступить, — желание отплатить добром за добро.

Она повернулась к Чжоу Цинъюэ и продолжила:

— Врачу нельзя довериться, если в нем нет человеколюбия; нельзя поручить дело, если он не обладает острым умом; нельзя верить, если он не честен и не чист душой. За эти дни я увидела, что Цинъюэ добра, справедлива и смыслена. Если она переймет мое искусство, то сможет спасти еще больше людей, и мои десятилетия врачебной практики не пропадут даром.

Чжоу Цинъюэ не ожидала, что Чжугэ Цзи задумает сделать ее своей ученицей. Та поманила ее пальцем:

— Подойди-ка, девочка Цинъюэ. Хочешь изучать искусство Ци-Хуан?

Поразмыслив мгновение, девушка сделала три шага вперед, торжественно опустилась на колени и совершила три поклона:

— Цинъюэ приветствует наставницу! — Чжугэ Цзи с радостью помогла ей подняться.

Поскольку для обучения требовалось время, Цзинь Шуфэнь решительно настояла, чтобы Чжугэ Цзи осталась жить у них надолго.

Девятнадцатого числа девятого месяца Шэнь Синцяо, находившаяся в Бэйяне, прислала письмо. Она писала, что они одержали победу и скоро, во время отпуска, она вернется домой.

Хотя точной даты она не назвала, Цинъюэ и Цзинь Шуфэнь уже вовсю ждали ее, заранее готовя все необходимое.

Только тогда Чжугэ Цзи узнала, что у Цзинь Шуфэнь есть племянница на военной службе, и заужавала ее еще больше.

Первый день десятого месяца, седьмой год правления Нин-хэ. Военный лагерь Бэйян на северной границе.

Ло Гоань разыскал Шэнь Синцяо по делам службы и застал ее за сборами.

— Командир, вы куда-то собрались?

— Вчера главнокомандующий наградил всех отличившихся, и я попросила генерала Чу об отпуске. Два года не была дома, боюсь, родные очень скучают. А ты, Гоань, не поедешь?

Услышав вопрос, Ло Гоань вздохнул:

— Я... эх, я с детства сирота, Ма Сунь тоже ушел, теперь лагерь — мой дом, братья по оружию — моя родня, и вы, командир, тоже! — он смущенно рассмеялся, почесывая затылок.

— Прости, что задела за живое. Отныне мы все — твоя семья! — Шэнь Синцяо почувствовала укол совести. Она понимала его чувства и, чтобы не нагнетать тоску, сменила тему: — Зачем ты меня искал?

— К нам в отряд прислали новых людей. — После ночного налета пятеро погибли, а отряд лучников, благодаря заслугам, был расширен до трехсот человек. Сейчас прибыло пополнение.

— Хорошо, я внесу их в списки. Кстати, разыщи Чэнь Ю, мне нужно дать вам обоим поручение.

— Есть! — Ло Гоань расплылся в широкой улыбке, сверкнув белыми зубами из-под густой бороды.

Вскоре Ло Гоань вернулся с Чэнь Ю:

— Командир, что за поручение?

— Дело вот в чем: я уйду в отпуск на десять дней. На это время оставляю дела отряда на вас двоих. Если возникнут трудности, с которыми не справитесь, идите к гарнизонному начальнику Ли — он наш вышестоящий офицер, у него есть право решать такие вопросы. — Речь шла о Ли Чанхао.

После ночного боя Чу Лян доложил главнокомандующему Се Хуэю о заслугах отряда. Се Хуэй, отличавшийся щедрым нравом, без проволочек утвердил рапорт, и участвовавшие в бою воины получили повышения или награды.

Ли Чанхао за победу над врагом был произведен в гарнизонные начальники пятого ранга — того же уровня, что и его отец, префект Ли Линью. Восемнадцатилетний офицер пятого ранга — это был настоящий успех.

Сама Шэнь Синцяо тоже пошла на повышение: помимо командования отрядом лучников, она приняла под свое начало пехотный полк в тысячу человек, официально войдя в число старших офицеров.

Ло Гоань и Чэнь Ю хоть и не получили новых чинов, но были премированы тремя месячными окладами, а остальные солдаты также были щедро вознаграждены.

— Слушаемся, командир! — в один голос отозвались они.

— А когда вы отправляетесь? — спросил Чэнь Ю. Хотя их командир была молода, ее смелость и расчетливость восхищали, и они не хотели, чтобы она уезжала надолго.

Шэнь Синцяо посмотрела на солнце, поднявшееся уже довольно высоко:

— Завтра. До уезда Ухэн путь неблизкий, сегодня уже не успеть.

На следующее утро Шэнь Синцяо, ведя коня, направилась к южным воротам. Ло Гоань и Чэнь Ю провожали ее до самой окраины. Попрощавшись, она вскочила в седло и умчалась прочь.

Деревня Сяофэн, дом Цзинь Шуфэнь.

— Ода о свойствах лекарств гласит: мусян упорядочивает застой ци, банся лечит от ветра и мокроты. Цанчжу помогает при глазных болезнях, хорош для осушения селезенки; редька снимает вздутие, лучше всего подходит для опускания ци. К тому же порошок из сталактитов питает ци легких и лечит их слабость; цинъянь избавляет от болей в животе и питает воду почек...

В главной комнате Чжоу Цинъюэ ходила взад-вперед, старательно заучивая наизусть Оду о свойствах лекарств, переписанную для нее Чжугэ Цзи.

Цзинь Шуфэнь, видя такое усердие, чувствовала отраду. Хоть Цинъюэ ей и не родная, да и поначалу их ничего не связывало, за два года она поняла, что эта девочка добра и умна.

Ее родителей не стало, а Синцяо доверила ее ей, поэтому Цзинь Шуфэнь относилась к ней со всей заботой, давно считая своей дочерью.

Чжугэ Цзи, заметив улыбку на лице хозяйки, прошептала ей на ухо:

— Шуфэнь, я вижу, что у Цинъюэ есть дар к медицине. Если она переймет мое мастерство, я смогу умереть без сожалений.

Слышать такую похвалу было приятно:

— Это все ваше мастерство и умение учить...

Наступил десятый месяц, на север пришла зима, стало холодать. Едва стемнело, как с северо-запада потянуло ледяным ветром.

В доме Хэ все трое сидели после ужина и беседовали.

Вдруг раздался стук в дверь. Переглянувшись, Чжоу Цинъюэ жестом остановила старших и сама вышла из комнаты. Подойдя к двери, она спросила, кто там и что нужно.

За дверью стояла Шэнь Синцяо, прискакавшая из Бэйяна. Услышав голос Цинъюэ, она испытала целую бурю чувств. Постучав еще раз, она тихо ответила:

— Цинъюэ, это я.

Голос был незнакомым, и Цинъюэ насторожилась.

— Цинъюэ? Цинъюэ?

Услышав, как незнакомец снова зовет ее по имени, причем с интонациями, будто они давно знакомы, девушка заколебалась, стоит ли открывать.

Подумав немного, она все же приоткрыла дверь, но лишь на щелочку.

В свете лампы, падавшем из дома, она увидела высокого юношу в накидке поверх приталенного халата, держащего под уздцы коня. На улице было темно, и разглядеть лицо гостя было трудно.

— Кто вы? — снова спросила Цинъюэ.

Шэнь Синцяо уже хотела ответить, как из глубины дома донесся голос ее тетушки:

— Цинъюэ, кто там? Если ничего важного, возвращайся скорее, на улице стужа!

— Хорошо, сейчас вернусь, — отозвалась Цинъюэ и снова посмотрела на гостя.

Шэнь Синцяо не знала, плакать ей или смеяться: неужели за два года эта девчонка успела ее забыть?

— Это я, Шэнь Синцяо, — сказала она медленно, с легкой досадой и усмешкой.

<http://bllate.org/book/20966/2127553>